

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Казалось бы, сколько уже лет миновало с момента взрыва Тунгусского метеорита, эхом прошедшего по всему миру в далеком 1908 году, 17 (30) июня. Но споры о сибирском феномене не утихают до сих пор. Не так давно появилось новое, я бы сказал, сенсационное сообщение: «Российский ученый Юрий Лавбин заявил, что космический корабль пришельцев пожертвовал собой, чтобы воспрепятствовать разрушению Земли гигантским метеоритом».

Удивительно, не правда ли?

А вот и подробности.

Израильский еженедельник «СЕКРЕТ», № 790, 21.06.2009

Согласно газете «The Sun», доктор Юрий Лавбин, глава фонда «Тунгусский космический феномен», обнаружил кварцевые плиты со странными знаками, которые, по его мнению, являются обломками пульта управления НЛО.

Открытие было сделано в районе так называемого «Тунгусского феномена» — широкомасштабного и до сих пор необъяснимого взрыва, уничтожившего более ста квадратных миль сибирской тайги в июне 1908 года.

Доктор Лавбин утверждает, что плиты являются доказательством того, что корабль преднамеренно пожертвовал собой, чтобы предотвратить столкновение метеорита с Землей и ее гибель.

«У нас нет технологий, позволяющих печатать такого рода рисунки на кристаллах», — объясняет он. — Кроме того, мы нашли силикат железа, произвести который можно только в космосе.

Ну что тут скажешь?

Заметка как заметка. Еще одно свидетельство чего-то непознанного, скрытого, таинственного. Всего того, что возбуждает воображение и рождает всякие предположения.

Но это для неподготовленного читателя.

А для подготовленного...

Подготовленного читателя эта заметка выводит не в фантастические миры умственных построений, а к реалиям жизни — обыденной, каждодневной, в которой также обыденно прописан и Тунгусский метеорит. Я — читатель подготовленный. И посему без особых сложностей переношусь в прошлое. В междуречье Лены и Киренги. В таежный город Киренск, над которым некогда разыгралась космическая трагедия, известная под названием «Тунгусский феномен».

Здесь я жил в семидесятых, когда работал в газете «Ленские зори».

Здесь сегодня живут мои старые друзья, герои этой повести.

1

Телеграмма в Киренске — дело святое! Пусть день, пусть ночь, доставят — не поленятся. Неписаное правило: приносящему — стопарь отвальная. Может, поэтому в разносчики срочных депеш идут здесь мужики. Люди они сообразительные: если вдоволь загрузиться на почте «молниями», то домой притопаешь тем же зигзагообразным шагом — и экономия карману, и удовольствие организму.

Телеграмма, доставленная мне, гласила:

ПРИЕЗЖАЮ СРОЧНО ТЧК ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ ТУНГУССКОМУ МЕТЕОРИТУ ТЧК ЛИВИК ГЕНДЕЛИСТ

Разносчик телеграмм — глаза с раскосиной, усы овальной формы — принял стакан, хлебнул. И с горечью сказал:

— Всего одна депеша за весь рабочий день.

Я налил по второй.

Разносчик телеграмм уселся на диван. Посмотрел на журнальный столик с портативной пишущей машинкой «Москва». Потом на меня — вопросительно:

— Закус?

Я вынул из кухонного шкафчика кусок копченой колбасы, разрезал, уложил на тарелочку и, прихватив с полки второй стакан, сел напротив, на табуретку.

Разносчик телеграмм не обидел меня, разлил вровень.

— Вздрогнем?

Мы вздрогнули — раз, вздрогнули — два.

И разговорились.

— Кто приезжает? — спросил почтарь.

— Ливик Генделист.

— Не знаю.

— Поэт-бард, поет под гитару. А еще он моряк, ходит на танкере «Юрмала».

— Не слышал.

— Друг!

— Это разговор, а то я думал — подруга.

— Подруга тут со мной. Или Свету мою проглядел, с кем я работаю в газете?

— Дома нет в наличии — вот и не заметил. А так, на слуху...

Тимоша Корень, так его звали, разлил еще, теперь уже по маленькой: бутылка пустела быстрее, чем его словарный запас, размером в литр, а разговорный энтузиазм в сибирском доброхоте лишь набирал обороты.

— Корень я потому, что всегда коренной, как в собачьей упряжке. Куда повернуть — первый я... Куда рвануть — первый я... На катерке. По лыжне. Пешочком. Пути везде у нас проторенные! А не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?

— Тимоша! Тебя же на почте не дождутся!

— Обстоятельства крепчают, обстановка поучает.

Мой гость отвернул рукав пиджака, посмотрел на ручные часы, постукал пальцем по циферблату:

— Фирма! «Маде ин уса» — по ночам все цифирки светятся, — произнес горделиво. — На пробеглого соболишку жухнул.

— Сколько натикало? На обеденный перерыв?

— Глаз — алмаз! — обрадовался моей догадке Тимоша Корень. — Отстегни на пузырь. Время — деньги: в момент обернусь туда-сюда, как с телеграммой-молнией.

Ну разве откажешь человеку, когда все в нем горит от желания сделать добро своему ближнему?

2

Вернулся Тимоша не один. Вернулся с Ливиком Генделистом, моим рижским приятелем. Бушлат, морская форменка «загранщика» — глядится, как на праздник.

— Откуда ты взялся? — недоуменно спросил я.

— Из магазина, — невозмутимо ответил Ливик Генделист.

Тимоша Корень торопливо вмешался:

— Правду говорит товарищ. Я его там встретил, в продмаге. А он, молодой-необъезженный, спрашивает: как пройти на улицу Ивана Соснина, два? Ну кто ее не знает? Значится, приезжий, смекнул я. А к кому приезжий? — подумал. Подумал и догадался: к тому приезжий этот пробеглый товарищ, кому давеча я телеграмму доставлял по адресу Ивана Соснина, два. Правильно я догадался?

Тимоша Корень выставил на журнальный столик, отодвинув на край пишущую машинку, три поллитровки. Ливик Генделист окунул руку за пазуху и вытащил глиняную бутылку бальзама.

— А это из Риги. Презент!

— Гуляем, братцы! — ахнул Тимоша Корень, водя пальцем по золотым буквам на черной этикетке керамической посуды. — И закус привез? Ага! — протянул руку, взвесил на ладони баночку рижских шпрот. — Нам все сгодится, что нездешнего вкуса. Экзотика для желудка — большая редкость, но пользу дает для дешевого подъема.

Он помог Ливико скинуть бушлат, усадил на диван. И обратился ко мне:

— Чего не спрашиваешь по назначению: как и что там на родине? Гостя привел, а ты — балда балдой, в молчанку играешь.

Наверное, я выглядел очумело. Изнутри свой внешний вид не определить, а над спинкой дивана, напротив, никакого зеркала не предусматривалось. Мне было не по мозгам: вот телеграмма от давнего приятеля, а вот тебе — сразу в одной упаковке! — и сам Ливик Генделист. Бард и внештатный корреспондент любой, готовой публиковать его газеты. Морской волк по призванию, а по специализации кудесник камбузных деликатесов, проще говоря — кок танкера «Юрмала».

Сибирь — мать тихих скоростей, тут все пешочком, зимой на лыжах, летом на своих двоих, пока не обзавелся моторкой. Тут с подозрением относятся к людям, которым «всегда некогда». Ливик Генделист был как раз из породы таких, вечно спешащих на праздник жизни. Вот и сейчас, не успев опрокинуть первый стопарь, он вытащил из заморского чемоданчика-«дипломата» журнал «Вокруг света». Старый, потрепанный, 1960 года.

— Спер с возвратом из библиотеки Интерклуба, — пояснил мне.

Тимоша Корень хмыкнул.

— Привез растопку вместо подарка. На растопку у нас идет «Восточно-Сибирская правда».

Ливик Генделист в игру не вступил.

— Открываем на нужной странице и — оки-доки! — находим статью Вронского о Тунгусском метеорите.

— Ради этой статьи ты сюда примчался? — удивился я. — Вронского ты можешь найти и в романе «Анна Каренина».

— Тот Вронский нам не указ. Да ты ведь не в курсе дела.

— С этого бы и начал, Ливик.

— Хорошо, давай с самого начала.

Тимоша Корень засуетился:

— Коли собираешься в дальний путь, прими на посошок.

Он налил.

Ливик чокнулся с ним и со мной, лихо заглотнул водку, закусил соленым огурчиком.

— А теперь к делу. Мой дядька — человек научный, с визой. Так вот, проездом из Томска в Стокгольм, на всемирный конгресс метеорологов, он оставил в Риге, у мамани на сохранение, папку с рабочими документами. Я заглянул туда и ахнул. Материалы о Тунгусском метеорите. Изысканы Томским университетом. И где? Не догадаешься. Здесь, в Киренске, где ты пропадаешь без сенсаций. Тут я и усек: у меня отпуск, а у тебя журналистская сноровка. Соединим все вместе и сообразим на двоих нетленку. Тебе не хочется напечататься в журнале «Вокруг света»?

— Хочется.

— Оки-доки! Вот тебе материалы из рабочей папки. Заодно познакомишься со своей незнакомой тетей. Есть у тебя незнакомая тетья? — хитро сощурился.

— Это как понимать?

— А так, Мастер! — назвал меня на морском жаргоне капитаном. — Некая Гаммер Е. К. живет тут, поблизости от тебя, в деревне Вишняково, и дает показания о Тунгусском метеорите.

— Врешь!

— Оки-доки, вру! — насмешливо процедил Ливик Генделист. — А если не вру?

— Как ты, говоришь, зовут тетю?

— Е. К. И — точка без намека на имя-отчество. Может у тебя быть в наличии незнакомая тетья с такими позывными?

— Все может быть в этом мире. У моего дедушки Фройки и бабушки Сойбы родилось в Одессе тринадцать детей. Из них двенадцать девочек. Восемь умерло. Одни от болезней до революции, другие после революции, во время голодомора. Остались в живых Маня, Бетя, Клара, Фаня и мой папа. Он родился последним, в тринадцатом году.

— Значит, наши позывные не по адресу?

Я ответил уклончиво:

— У дедушки Фройки было много братьев, у каждого куча детей. Он родился в один год с Лениным, 1870-м, братья еще раньше. Кого-то, должно быть, и в Сибирь загнали. А кого-то и в ГУЛАГ. Во всяком случае, другой мой дедушка Аврум Вербовский — тот, что по маме — сидел в лагере под Соликамском, это на Урале, с одним Гаммером. Тот говорил на идиш, но сказывал, что он немец из какой-то сибирской деревни.

— А дальше?

— Что — «дальше»? На повалке леса дальше смерти ничего не бывает. Так и умер у дедушки Аврума на руках. Просил, если жив будет, передать от него привет в деревню. Как ее?

— Вишняково?

— По звучанию похоже. Дедушка Аврум говорил — «Вишневка». Хотя... Он время от времени варил вишневку, вот и мог обозначаться в русском языке — одессит в третьем поколении!

— Ну разве не тема? Кроме Тунгусского метеорита...

— Тот Гаммер как раз и говорил о Тунгусском метеорите. И о каких-то алмазах, скушанных медведем. Странные это были алмазы. Если зажать в кулаке, рука начала светиться. А потом, в тридцать седьмом, говорил тот Гаммер, за ними пришли чекисты, но не изыскали при обыске и арестовали. Интересно, что тот Гаммер вел разговоры с моим дедушкой Аврумом на идише, а он пересказывал мне все это по-русски. Сам понимаешь, какая путаница произошла при переводе в его голове.

— А был ли он родственником, тот Гаммер?

— Понятия не имею. Говорил, что из евреев перешел в немцы. Принял лютеранство перед отъездом в Россию, чтобы жить на вольных землях — не в полосе оседлости. А общие предки... Тут, как говорится, без пол-литры не разобраться.

— Оки-доки — разбирайся! Только учти: твою не названную по имени тетю в томских бумагах величают то «Гаммер», то «Гиммер». Почему так? Я подумал-подумал, на английский лад, разумеется, и усек: вторую букву в ее фамилии Gummer наши полиглоты читают как русское «и», а потом спохватываются и произносят как русское «а». Потому и кавардак с грамматикой. Итак?

— Что тебе не терпится?

— Принимаем сибирскую тетю с позывными Е. К. за родственницу?

— Поживем — увидим.

— Тогда поживем, но сначала минута на размышление. Берем рабочую папку Томского университета и читаем...

Я взял у Ливика папку и погрузился в машинописный текст. А при встрече с родной фамилией произносил ее в уме на привычный лад — «Гаммер», игнорируя чужеродное «Гиммер».

В такой транскрипции и выставляю на обозрение читателю, чтобы каши в мозгах избежать.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Из материалов Комплексной самостоятельной экспедиции (КСЭ)
Томского Университета (1958–1969 гг.)*

Свидетельница Е. К. Гаммер, Киренский район.

Гаммер Е. К., прочитав в журнале «Вокруг света» (№10, 1960 года) статью Б. И. Вронского о Тунгусском метеорите, послала в Комитет по метеоритам (КМЕТ) 1/IX-64 года письмо, выдержки из которого приводятся ниже.

«Полет метеорита в районе Тунгуски я лично сама видела, будучи девочкой... Насколько я твердо помню... дело было так:

1. Мне в то время было 12 лет, когда пролетел мимо нашей деревни Вишняково летом 1908 года метеорит.

2. Наша деревня Вишняково Киренского района Иркутской области расположена на левом берегу реки Лены. Примерно 40–50 км от нашей деревни в стороне находится Нижняя Тунгуска.

3. Около 12 часов по местному времени (месяц и число не помню) летом я со своим отцом поехала на мельницу. Только что въехали на гору, как я увидела что-то летящее через реку Лену с юга на север по направлению к Нижней Тунгуске.

4. Форма этого летящего предмета была клинообразной, размером примерно среднего нынешнего самолета, бело-желтого цвета. Причем толстая лобовая часть была впереди, а хвостовая задняя часть была наподобие большой кисточки, которая горела, а искры густым потоком осыпались и исчезали. Как мой отец, ныне умерший, так и другие крестьяне, находившиеся на мельнице, видели летящий предмет и, по-своему, считали, что пролетела «планида».

5. Через некоторое время после полета летящего предмета раздался один за другим три оглушительных, раскатистых взрыва большой силы, даже наша лошадь упала на колени передних ног, а мы все настолько перепугались, даже стали от страха креститься.

6. По возвращении к себе в деревню узнали, что многие деревенские жители Вишняково не видели полета метеорита, но говорили, что от оглушительных и сильных взрывов во многих домах попадала посуда и другие вещи. Жители деревни посчитали, что произошло землетрясение».

В последующем письме Е. К. Гаммер, отвечая 19/X-64 г. Зоткину И. Т., соглашалась, что она может ошибиться во времени наблюдения, что явление вполне могло происходить не в 12 часов, а в 7 часов утра. Кроме того, она уточнила, что «деревня Вишняково расположена на левом берегу реки Лены в 75 километрах ниже города Киренска по течению реки Лены. Деревня Вишняково находится между двумя населенными пунктами — поселками Чечуйском и Петропавловским». К этому письму она приложила заполненную анкету № 5, присланную ей из КМЕТ — Комитета по метеоритам АН СССР.

3

Интеллекта у нас было с избытком. И подогрева к нему достаточно. А метрах в трехстах от того и этого стояла на приколе у ленского бережка моторка разносчика телеграмм Тимоши Корня.

У хмельной мысли есть одна особенность. Она мгновенно, даже не высказанная вслух, передается от одного к другому, пленяет фантазию, будит решительность и каким-то необъяснимым образом берет руки в ноги.

— Вперед! Поехали!

— Кто из русских не любит быстрой езды?

— Особенно, когда на носу выходные денечки.

Долго ли — умеючи? Собрались и двинули, оставив в каретке пищащей машинки записку: «Выехал в деревню Вишняково. Сенсационный материал на первую полосу!»

Здорово жить, когда и жизнь хороша, и настроение — лучше некуда, а по курсу деревня Пропущино, где уродился и рос наш Тимоша Корень. «Деревня без жителей, людаков по-местному, — предупредил он. — Кто вымер, кто перебрался в Киренск, на столичное житье. Разве что старый пень Кондаков Алексей Андреевич остался невыкорчеванным. Тут он самогон варит для мимоезжих лодочников, гребет капусту. А в городе из-за сизого дымка под пригляд милиции невзначай попадешь, срок откушаешь и подавишься».

Пятистенник, поставленный еще дедом Тимоши, мохом порос, но не обвалился. Почернелые бревна, покосившиеся стены, но стекла не выбиты, и дверь не нарапашку. Значит, не пограбили, не растащили, да и зверье таежное не навевывалось.

Плиту растопили, тушенку вывалили на сковородку.

Ливик Генделист обнаружил в кладовке старую гитару. Потрепал ее за дряблые струны, подкрутил колки и уселся в продавленное предками Тимоши кресло, избражая из себя барда.

*Осенняя пора, очей очарованье.
Тунгусский феномен, космический прилет.
Выходим мы на связь с творцами Мирозданья.
Но информации у нас наплакал кот.*

— Не ной под музыку, — сказал Тимоша Корень. — Нужна тебе информация, добудем. Тут у нас, доложу тебе, информация к нам сама захаживает.

— На звериных ножках, под копытный стук? — сдохмил Ливик, выразительно шлепнув по струнам ладонью.

— На человечесьих, — отпарировал Тимоша Корень, помешивая тушенку финским ножом с наборной ручкой. — Да вот она и толкется уже у забора.

Я выглянул в окно. По выгоревшей травке шлепал приземистый дедок, волос к волоску приглажен на липкой от пота лысине, пиджак ношенный, выцветший, но ради ознакомительной встречи украшен боевыми наградами — тремя медалями, орденом Красной Звезды и гвардейским значком. В авоське он держал — для знакомства, видать — бутылку зеленого стекла.

— Кто это? — спросил я у Тимоши.

— Вопрос резонный. Информация.

— О Тунгусском метеорите?

— О нем самом.

— Что? Видел?

— А кто тут не видел? Места заповедные, людаки глазастые. Что увидят, мимо глаза не пропустят. И с каждым пробеглым туристом поделаются.

— Мы не туристы.

— Это ему и растолкуешь, но сначала готовь «рваный».

— Зови.

— Он и без зова...

В дверь постучали.

Я покопался в куртке, вытащил рыжую рублевку, положил на стол: теперь не отвертится — налет.

Дверь открыли. Сапоги шагнули через порог.

— Мир вам и честь!

Старикан прошел в комнату, скосил нос к благоуханной плите.

— Сытно кормитесь, людаки.

— Обстоятельства крепчают, обстановка поучает. Нашего варева на всех хватит, дядя Кондак.

— И моего, — довольно ухмыльнулся бывалый таежник, смял пожалованную рублевку в кулаке и незаметно, как ему представлялось, впихнул ее в карман. Вытащил зубами бумажную пробку из горлышка, довольно просторного, сантиметра на четыре в поперечнике. И пригубил доказательно, на изрядный глоток. Мол, не зубоворотная пакость — ядовитый душок, а чистый напиток — любимец богов и всех их олимпийских последователей, кто выпить не дурак.

Дураков среди нас не водилось.

— Значится, так, — произнес Тимоша Корень, и стеклянная емкость пошла по кругу, в центре которого угнездилась сковородка, брызгающая жирными искорками.

Я развернул на столе бумажную пробку, признав в ней газетную заметку: то хмело и зайцу любопытно узнать, чем рачительные хозяева затыкают алкогольную пасть. И, не успев прочитать ни строчки, увидел, как дядя Кондак с отстраненной от прыгающих губ алюминиевой кружкой уставился на меня.

«Чего это ему так интересно?» — подумалось. И тут же смекнул: «Не иначе, как писанина эта с каким-то потаенным секретом». И не ошибся. На страничке, вырванной из газеты «Ленские зори», Кондаков Алексей Андреевич был представлен во всем величии рассказчика, очевидца давних событий, связанных с Тунгусским метеоритом. Надо думать, впервые угодил в газету, вот и изыскал способ предьявлять себя в надлежащем свете всем наивным людакам, захаживающим в его вымершую деревню.

— А не жалко затыкать собой горлышко? — спросил я первое, что пришло на ум.

— Дома еще есть.

Даты выхода газеты я не нашел, но, скорей всего, это был 1968 год, когда здесь работала Комплексная самодеятельная экспедиция (КСЭ) Томского университета.

— Читай вслух! — вдруг услышал просительный голос.

И докинул умом: дядя Кондак намерен представиться не только мне, но и человеку с гитарой — Ливику Генделисту.

Тимоше Корню, полагаю, ему представляться смысла не было.

— Читай! Читай! — поторапливал меня гость.

«Чего ему так не терпится?» Но, посмотрев, как напряженно он держит кружку у рта, я догадался о причине его нервозности. И прочитал, к вящему удовольствию просителя:

— *«Кондаков Алексей Андреевич, 1896 года рождения. Пункт наблюдения Тунгусского феномена и опроса — деревня Пропуцино, расположенная на берегу реки Лены.*

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

В 1908 году, числа 17 (по старому стилю) мы выехали раненько утром на телеге в Горючую падь, стали рубить лес на избу. Был яркий солнечный день. Вдруг по небу от солнца (с юга на север) увидели летящий клуб. Он летел над горизонтом со скоростью большей, чем самолет. В воздухе был не больше минуты. Двигался бесшумно. Клуб был намного больше солнца. Летящая планета светила так, что не было видно солнца. Передняя часть планеты была гораздо больше и была туманной. Задняя часть, то бишь хвост, была очень светлой, прозрачной. К концу хвост сужался. Через минуту после того, как эта штука ухнула за Подосиновый ручей у Подкаменного утеса, последовало три удара. Первый был самый сильный, следующие слабее. Я не понял, что это было. Но побежал туда, где бабахнуло, к Подкаменному утесу, посмотреть. Однако батяня меня остановил, не позволил полюбопытствовать. Сказал: «Где три взрыва бабахнули, там ожидать и четвертый, а жизнь дана один раз — и не для куража».

Говорят, увидеть дно сибирской бутылки — это равнозначно тому, что выйти в открытый космос. Полная невесомость в теле и мозгах. Скафандр, в смысле пиджак-вагник-фрак-мундир, раздувается, не пускает протиснуться назад в приемный люк орбитального корабля, как это случилось с космонавтом Леоновым.

Хочется — дальше в космос, где звезда с звездой говорит, как у Лермонтова в стихотворении, переложенном на музыку Ливиком Генделистом, но, разумеется, в собственной трактовке.

Струны тронуты, песня движется.

*И звезда с звездой говорит.
А о чем? О том не знает даже маг.
Только Лермонтов, за что он и убит,
Чтоб не разгласил ни в прозе, ни в стихах.*

— Bravo! Ну и загнул! — похлопал в ладоши дядя Кондак. — А вот и неправда твоя, гость мимоезжий, в отношении звезд и того мага, что не знает, о чем звезды говорят!

Ливик Генделист, вынужденный прервать песнетворчество на подходе ко второму куплету, повернул голову на обвинение, непонятное ни ему, ни мне.

— В чем моя неправда?

Ливик щупкой прошелся по струнам, породив басовитые звуки, похожие на урчание разъяренного кота.

— Рванный на бочку, и будет тебе на предмет предъявления, что звезда с звездой говорит.

— Как так?

— А так! — пробухтел старикан и в знак какого-то, известного лично ему и, может быть, Тимоше Корню доказательства взял за охватное горлышко бутыл, резко поводит ею из стороны в сторону, и мы услышали глухое постукивание в глубине стеклянной утробы.

— Что это? — спросил я.

— А где рванный?

Я еще раз покопался в боковом кармане куртки, вытащил вторую рублевку.

— Ходи ко мне, рыжая! — позвал денежку Алексей Андреевич, разгладил ее на столе, посмотрел на свет, будто что-то вспоминая. — Салтыков-Щедрин говорил: «Это еще ничего, что в Европе за наш рубль дают один полтинник. Будет хуже, если за наш рубль станут давать в морду». А? — усмехнулся со значением, позволяя с высоты своего интеллекта уразуметь, что в Пропущино не лаптем щи хлебают, людаки здесь — во всяком случае, те, кто не вымер, — грамотные, начитанные и знают, что говорят.

Опрокинув бутыл, дядя Кондак вывалил на стол кварцевую пластинку, размером три на пять сантиметров, с какими-то письменами и изображениями.

— Читай, о чем звезды говорят.

— Но тут не на русском языке, — сказал я, рассматривая странные буквы.

— А ты что? — желаешь, чтобы звезды говорили с тобой по-русски?

— Мы впереди планеты всей.

— Это в области балета! — Ливик Генделист перехватил движение моей руки. Присмотрелся к пластинке. — Да тут звездная карта. Большая Медведица! Кстати, да будет вам известно, она изображена на флаге Аляски, — показал географическую осведомленность: моряк, как же! — Пять махов вверх от ее боковины, и — окидоки! — вот вам, пожалуйста, Полярная звезда.

В доказательство своей правоты кок танкера «Юрмала» убедительно постучал указательным пальцем по блестящей стекляшке, изображающей известный всем путешественникам небесный ориентир. Но тут же как-то скривился, недоуменно рассматривая колотую ранку у самого ногтя.

— Кровь? — насмешливо процедил Алексей Андреевич.

— Будто на иголку напоролся.

— А не шали с алмазиком, — ехидно засмеялся таежник, — не то кровь сдашь на анализы совсем не по земному адресу.

— Скажете всякое, алмазик, — смутился Ливик, выжимая из пальца кровь, чтобы не получить заражение. — Был бы у вас алмазик...

— Что? Упрятал бы, чтобы не зарились?

— Дальше положишь, ближе возьмешь.

— С глаз и упрятал, ближе к желудку, друг ты мой ситный. А то в наши края людаки ученого звания повадились, как прослышали, что тут такие алмазики водятся.

Дядя Кондак забрал у Ливика кварцевую плашку, любовно подышал на нее, протер рукавом.

— Одну такую алмазину, что отвалилась при взрыве, — он бережно коснулся Полярной звезды, — отыскиали в разломе торфа, стали нас жучить: находили ли мы подобное богатство?

— А вы? — заинтересовался я.

— Мы? Я похож на дурака?

— Отнюдь!

— То-то и оно, гость мимоезжий. У нас тут дураков отродясь не водилось. Кто же отдаст богатство? Говорили бы — «бижутерия», а сказали «драгоценный камень, большой научной ценности».

— Ну и?

— «Ценности большой» — не расслышал?

— Почему же нам показываешь?

— Тимоша — племян.

— А если бы его не было с нами?

— Тогда и разговор другой. И питье иного качества, настоенное на изделии рук нечеловеческих, — показал вторую плашку с выемкой на месте Полярной звезды. — Должно быть, отсель и отвалился алмазик, что ученые мужи совали нам под нос. Ценность, говорят, ценность. А какая ценность, позвольте, если вместо денег за находку имя обещают увековечить в научных кругах, будто кто меня там знает. Кому понадобится мое имя потом, когда вся деревня уже сегодня вымерла? Кто его будет помнить-произносить? Ветер? Тайга? Звери лесные?

— М-да, — сказал Ливик. — Философия.

Ливик вновь потянулся за кварцевой табличкой.

— Я не знаток. Однако... Где-то я уже сталкивался с похожим шрифтом. Ну да, конечно! — хлопнул себя по лбу. — На Аляске! Точно! Помнится, во время экскурсии по городу показали нам синагогу. Без захода внутрь, для знакомства с архитектурными изысками местного населения. Так вот, на входной двери, где на медной дощечке пишут «мир входящему»...

В то же мгновение и мне вспомнилось: в точности такие же буквы я изучал в раннем детстве, шести-семи лет отроду, когда молился вместе с дедушкой Фройкой в старой рижской нашей квартире на Аудею, 10. Он склонялся над толстенным фолиантом и, покачиваясь, произносил нараспев таинственные слова, смысл которых доходил и до меня: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим».

Сегодня, впрочем, как и вчера, звуковое значение буквочек не прорисовывалось, и мне нужен был толмач, чтобы на слух определить, что же такого мудреного выгравировано на пластинке.

Ливик для этой цели не годился. Тимоша Корень давно. Может быть, Алексей Андреевич? Дикость, конечно, но... Чего это он лыбится-зырится, будто тайну вселенскую прячет за пазухой? В чем тут секрет?

А секрета, оказывается, никакого, если думать на таежный лад.

По словам старого сибиряка, выходило так: спервоначалу надо не обезножить со страху от взрыва Тунгусского метеорита. Затем смотаться за Подосиновый ручей к Подкамennому утесу. Пошнырять по бурелому, приохотить глаз к каждой малой малости, что чужаком глядится у вывороченных корней, в полегших кустах, на выжженной траве. И приобретаешь. И домой возвратишься с даровыми сувенирами. Сколько их? Один — два — три — четыре. Не богато, но все свои. А дома... Разложишь найденные кварцевые плашки на табуретке, проденешь сквозь внутренние отверстия иголку с ниткой и любуйся: настоящее ожерелье, красы необыкновенной, ночью светится, днем переливается радугой. Правда, не поносишь такое на шее: пацаны засмеют, в девчонку определят, за волосы станут дергать, будто они уже косички. Лучше снести на продажу, подарить либо спрятать. Вот и снес на продажу. Одну — мельнику Карлу Яковлевичу из деревни Вишняково, вторую подарил его дочке Лене Гаммер, однокласснице, что сватал без всякого счастливого исхода в невесты. Две оставшиеся спрятал. Сначала, по малолетству, в чулане. Потом, на возрасте, когда уверился, что сила в иконках целительная, решил: «Чего ей, силе этой небесной, пропадать понапрасну?» И принялся на ней, неземной, самогон крепить. Пусть эта сила идет в желудок, а оттуда выводит с общей пользой для рук и ног. Куда? Вот тут и вопрос, подлежащий толковому разъяснению.

За разъяснением дело не стало. Тимоша Корень откупорил «Столичную», плеснул, и пахучие кружки одарили нас походным зельем.

— Мельник Карл Яковлевич, батяня Еленки из деревни Вишняково, грамоте был ученый на звездном языке, — доложил, спотыкаясь о зубы, дядя Кондак. — Сам он родом по их национальности.

— Звездной? — спросил с долей иронии Ливик.

— Не перебивай! Земной, но не наших краев. Из шумеров будет, из тех, кто строил Вавилонскую башню. Помните?

Мы без промедления кивнули. Разумеется, помним. Чего там не помнить? Всего каких-то несколько тысяч лет миновало с тех пор: все на виду, слуху и в памяти.

— Словом так, после того как Бог смешал земные языки, дабы строители Вавилонской башни не дотянули до него свои загибающиеся пятипальцы, предок Еленки нашей из деревни Вишняково и получил для пользования звездный язык. И направился — по велению Божью! — в землю обетованную, текущую молоком и медом.

— Случайно, его не Авраамом звали? — машинально вырвалось из меня.

— Его по-разному звали. Русские — да! — по-библейски Авраамом. Татары, что у Плакучего камня живут, по-мусульмански — Ибрагимом.

— А как его звал отец вашей Еленки из деревни Вишняково?

— Карл Яковлевич? Минутку! Дай бог памяти! — поднял указательный палец, постукал им по наморщенному лбу. — Авраам авину... Точно, Авраам авину! Что значит... — выигрышная пауза, пододвинул кружку к Тимоше и под водочное бульканье: — На звездном языке это значит — наш батя Авраам.

— И на иврите это значит то же самое.

— Я иврит не изучал, судить не могу. А вот звездный язык...

— Изучал? — не удержался я от подковырки.

— Освоил по памяти. Карл Яковлевич читал мне эти таблички вслух, я и запоминал. Могу и повторить, язык не отсохнет.

— Слушаем.

Алексей Андреевич прополоскал водкой горло и понес речитативом: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не желай...».

— Десять заповедей?

— Десять в Библии, Исход, глава двадцатая. А у меня в наличии отыскалось за Подосиновым ручьем утеса четыре. Но какие?

— Уже слышали.

— Слышали, да не допетрили по малолетству.

— Почему же? — прибегнул я к знаниям моего дедушка Фройки, толкователя Торы. — Эти четыре и есть универсальный код для всего человечества. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не пожелай, скажем так, ничего чужого.

— Эх ты, код да не тот! Главное упустил: целительные! Проведите ладонью над иконкой, так разом усвоите, какая мощь богатырская из нее выйдет наружу.

Сказано — сделано.

Мы тотчас — каждый по очереди — провели рукой над светящейся плашкой. И почувствовали — все подряд! — как игольчатая энергия долбится о кожу, словно татуировку накладывает. Я посмотрел на ладонь, и — диво дивное! — фиолетовыми разводами вырисовались на ней созвездие Большой Медведицы и буквы космического алфавита.

— Не трухай, исчезнет со временем, — сказал, усмехаясь, старый таежник.

— А что тут написано?

— Я не цыганка, чтобы гадать тебе по линиям судьбы.

— Но все же...

— Все же, что и на роже!

— Не понял!

— Поглядишь в зеркало, поймешь.

Чуть пошатываясь, я прошел к зеркалу. Странно, и на лбу пропечатались небесные знаки. Но буквы, буквы... Да это же кириллица!

— На каком языке думаешь, на том и пишется, — пояснил Алексей Андреевич. — Но не трухай, пяток минут и вылиняет.

— А что тут? В зеркале справа налево, а я не Леонардо да Винчи — не по мозгам.

— Десятая заповедь. Короче, «не желай...». Настоящая, что ни на есть целительная. Так мне и разъяснил Карл Яковлевич. «Кто будет носить на груди эту ладанку, — говорил он, — тот уцелеет в нашей жизни до самой смерти. Ни болезни ему, ни напасти, хоть мор кругом лютый». Я через эту ладанку и на войне уцелел — ни ранения, ни контузии. И в деревне всех пережил. А тут чего только не было! И продрозверстка, и раскулачивание. И цинга, и холера. Почему — сказать не могу. Но факт! Не верите? — вдруг хищно осклабился, показал кулак, рыжим волосом поросший.

— Верим, верим!

— Так и надо, людаки! Без веры жизни нет. И смерти тоже. Потому как смерть приходит за нами, чтобы проводить до новой жизни. На том свете. Вы верите в тот свет?

— Верим, верим!

— Все там будем.

— Не без этого.

— Но лучше позже, чем раньше. Посему и настаиваю я самогон на ладанке этой звездной, что жизнь мне спасает какой десяток лет. Если подумать трезво, я живою водой вас, стервецов, потчую. Живите в мире, не умирайте. Жить желаете? — поднял осмысленные глаза.

— А то нет! — спонтанно отозвался Ливик Генделист.

— И подольше?

— Само собой!

— В таком разе гоните из заначки рваный, пойду за второй.

Но не пошел. Уронил голову на стол и с присвистом захрапел.

— Оки-доки! — сказал Ливик. — Коптил нам мозги, коптил, и баюшки-баю! Что же получается? — обвел нас взглядом. — По его версии, космический корабль к нам прилетал?

— В газете писали — метеорит, — отозвался Тимоша Корень.

— И в моих бумагах, что из Томского университета, сказано — метеорит.

— Бумага терпит. Наши людаки сразу смекнули: камень рукотворными ладанками с бриллиантами разбрасываться не будет. Добытчики-старатели сами искали — сами находили и прятали. Их ведь никто с 1908-го по 1927-й, до первой экспедиции Кулика, не беспокоил, не обирал вопросами — «откудаво это, откудаво то?». А потом — да, устроили шум на весь мир! И понаехали за сенсациями. Но правду разве скажешь? Иначе чекисты-раскулатчики опять нахлынут, найденные алмазики отберут и спросят с пристрастием: «Куда заховали остальные?»

— И про чекистов знаешь?

— Грамотные и в этом, даром что темные! Все мы знаем за время минувшее, с человеческим, мать его, лицом! — Тимоша разлил остатки из «Столичной». — По последней. И на боковую.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Из материалов Комплексной самостоятельной экспедиции (КСЭ) Томского Университета (1958–1969 гг.)

В качестве фактов, не укладывающихся в рамки полета космического тела, некоторые исследователи приводят несколько случаев подозрительной повышенной продолжительности явления, что, как они подразумевают, свидетельствует против природного генезиса ТКТ — Тунгусского Космического тела. На этом основании уфолог В. Чернобров делает вывод о длительном зависании (до 15 минут) объекта, испускавшего молнии над эпицентром взрыва, и в связи с этим считает его техногенным телом (Войцеховский, 2001). В первую очередь необходимо рассмотреть чрезвычайно ценные записи в журнале наблюдений за июнь 1908 года, которые вел сотрудник метеорологической станции в поселке Кежма А. К. Кокорин:

«В 7 часов утра на севере появились два огненных круга огромных размеров, через 4 минуты с начала появления круги исчезли. Вскоре после исчезновения огненных кругов был слышен сильный шум, похожий на шум ветра, который шел с севера на юг. Шум продолжался около 5 минут. Затем последовали звуки и треск, похожие на выстрелы из громадных орудий, от которых дрожали рамы. Эти выстрелы продолжались 2 минуты, а после них издавался треск, похожий на выстрел из ружья. Эти последние продолжались 2 минуты».

Комментируя это сообщение, сторонники искусственной природы объекта полагают, что общее время шума и выстрелов — 10 минут — «многовато» для природного объекта. Однако при этом не учитывается дальность от поселка Кежма до места взрыва ТКТ — 210 км. Следовательно, время, за какое звук проходит это расстояние = 10,6 мин. Кокорин наблюдал огненные круги 4 минуты. А «вскоре» после их исчезновения (оценим это «вскоре» в 0,5 минуты) слушал электрофонные звуки — «шум ветра» (5 минут). Взрывная звуковая волна дошла до него спустя 9,5 минут от начала наблюдений. Получается, эти наблюдения начались спустя 1,1 минуты после взрыва. Так что никакой аномальной длительности развития явления мы здесь не находим.

Рассмотрим еще одно наблюдение, свидетельствующее, с точки зрения сторонников искусственной природы ТКТ, о том, что оно якобы «летело очень

медленно». «В селении Н. Карелинском (верст 50 от Киренска к северо-западу) крестьяне увидели на северо-западе, довольно высоко над горизонтом, какое-то чрезвычайно сильно (нельзя было смотреть) светящееся белым голубоватым светом тело, двигавшееся в течение 10 минут сверху вниз. «Тело представлялось в виде «трубы», то есть цилиндрическим», — написал некто С. Кулеи в газету «Сибирь» от 2 июля 1908 года. Ясно, что десять минут полета — многовато для космического тела.

Наблюдатели из селения Н. Карелинское, в отличие от Кокорина, находились значительно ближе к трассе ТКТ. Длительность наблюдения — 10 минут — скорей всего завышена. Как отмечают И. Т. Зоткин и А. Н. Чигорин, опросные данные, особенно полученные через длительное время после наблюдения метеорного явления, почти всегда показывают грубые завышения его длительности. Случайные, не имеющие научной подготовки очевидцы (какими, вероятно, и надо считать крестьян села Карелинское) дают оценки продолжительности метеорного явления, измеряемые минутами и более.

Однако не исключено, что эти данные верны. Так что повышенная длительность наблюдения из этого села связана с тем, что пролет тела и световые эффекты, связанные с его взрывом (световой электроразрядный столб, возникшее взрывное облако, низвергавшее на землю в течение 10 минут или более мощные электрические разряды-молнии), наблюдатели расценили как единое явление. Однако это вовсе не свидетельствует в пользу версии уфолога В. Черноброва о длительном зависании ТКТ над местом взрыва.

Таким образом, никаких серьезных оснований говорить об искусственной природе ТКТ как не было, так и нет.

5

Утром, оставив Алексея Андреевича дрыхнуть за неприбранным столом, мы собрались в путь. Ветер-свежак рябил речную поверхность, накрапывал дождь. Состояние было мутное, как и положено после гульбища. Но мотор завелся с первого захода, небо прояснилось, и солнышко засветило совсем не по-осеннему: хоть загорай!

Загорать не хотелось. Хотелось перекусить. И выпить. Воды кругом — хоть ведром черпай, но в ней ни одного подходящего с похмельюги градуса.

Ливик Генделист напевал печально под нос:

*И никто на свете не умеет
Лучше нас кататься на моторке.
Солнце греет, ветер веет.
А в желудке жалобно и горько.*

— Не трепещи! — сказал Тимоша Корень.

— Я и не думаю!

Но соврал. Сразу же за горделивым словом, увенчанным восклицательным знаком, зябко вздрогнул, прынул ушами, как лошадь при внезапном устрашающем звуке.

— Что это с тобой? — спросил я.

— Мастер! — Ливик опять обратился ко мне на морской лад. — Никак пуля.

— Пуля просвистела и — ага?

— Ага! Не смейся! Черт! И вторая!

Тимоша обернулся: за кормой различил катерок.

— Это дядя Кондак с глушителем.

— С каким еще глушителем?

— Чего неясного? Карабин у него с глушителем.

— Какого хрена? Белая горячка?

— Обстоятельства крепчают, обстановка поучает. По пустоте мыслей он стрелять не будет.

— Тормози! — сказал я.

— Уже сделано.

Мы покачивались на воде, поджидая катерок Алексея Андреевича. Он подрулил, прихватил наш борт багром, подтянул вплотную и наставил ствол, чуть ли не в упор, на Ливика Генделиста.

— Доложись!

— Кок танкера «Юрмала», честь имею, — попробовал он пошутить.

Но дед нажал на спусковой крючок и ожег ему щеку.

— Внимай сюда: я снайперист. Но на тебя три патрона потратил даром. А каждый государственных денег стоит.

— Сейчас рассчитаемся. — Ливик скинул бушлат, засучил рукава форменки, будто драться собрался.

Но драться ему не пришлось. Дядя Кондак подцепил багром его бушлат и перебросил к себе на катерок.

— Оки-доки! — моряк по-своему расценил его поступок. — Теперь в расчете?

— Не хорохорься!

Алексей Андреевич покопался в карманах похищенного имущества, одним, вторым, и... извлек иконку с Большой Медведицей и Полярной звездой.

— Что?

Романисты прошлого написали бы: «С уличного в краже сошло лицо!» Я подобных глупостей писать не буду. Скажу по-простому: Ливик украсть не мог. Этого будет достаточно. Однако, кто? Не Шерлок Холмс, но и тут размышлять долго не требовалось. По раскладу выходило, Тимоша Корень. Зачем?

— Контрибуция! — многозначительно произнес Алексей Андреевич.

Вот ситуация и прояснилась. Не иначе как по уговору с дядей Тимоша Корень избрал новый способ честного отъема денег. Левый заработок на туристах — бизнес доходный и налогом не облагается.

— Верни бушлат! — разозлился Ливик. — Там в боковом кармане научные документы.

— Червонец, а то под суд.

Тимоша Корень, делая вид, что ни в чем не замешан:

— У него суд скорый. Значится так, бац по мозгам и корми донную рыбу.

Ливик переглянулся со мной и решил не перечить грабителям с большой речной дороги.

Из накладного кармана морской тужурки вытащил десятку.

— Э, нет, так не пойдет! — старик поднял предупредительно руку. — С десятки тут негде сдачу срубить. Давай рваными!

— Рваные не водятся.

— А у него? — таежный стрелок перевел ствол на меня.

Можно подумать, я — курочка Ряба, а в моем яйцекладе рублики сами собой зарождаются. Но я не курочка Ряба. И рублики мои уже выветрились из кармана. А вот две пятерки — пожалуйста — все еще живут в неприкосновенности, душу согревают в надежде, что доберемся до селпо — отоваримся и

похмелимся. Без лишних раздумий я всучил Тимоше две пятерки, а он... Тут моя боксерская реакция сработала, как на ринге, и я успел заметить, что наш славный проводник одну пятерку припрятал в кулаке, прежде чем вторую передал подельнику.

— Оки-доки! Теперь в расчете? — давил на психоз Ливик, испытывая наверняка те же чувства, что и я. — Возвращай бушлат по адресу! Казенное имущество, государственных денег стоит, — подыграл рачительному сибиряку.

— Прймай! — дядя Кондак бережно переложил как-то враз потяжелевшую одежонку с борта на борт. — И не грехи на людаков с перепоя. Не то в глазах будет двоиться, а в животе материться.

Пола бушлата отмахнула в сторону и выявила бутыль зеленого стекла.

Тут-то и дошло: не грабили нас, не подставляли, а воткнули по уговору в какую-то прибыльную, семейным промыслом продиктованную игру — с кражей, выстрелами, погоней. Им тугрики. Нам — адреналин. И... самое существенное... избавление от похмелья.

Двинули бутыль по кругу. Приняли по сто грамм. И успокоились. Ливик даже повеселел и экспромтом выдал на известный мотив:

*По реке осенний ветер бродит,
С каждым днем все радостней народ.
Пьян и сыт, одет всегда по моде
И не смотрит иностранцам в рот.
Выходила на берег Катюша,
С тем народом крутит хоровод.
Чуть пьяна, сыта, не бьет баклуши
И не смотрит иностранцам в рот.*

— А куда она смотрит? — попался на удочку Алексей Андреевич.

— Ниже!

— А-а... — Старик машинально опустил глаза к штанам: не расстегнута ли ширинка?

— Ты не смотри, не смотри! — мстительно произнес Ливик Генделист. — Тебе там уже искать нечего.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Выдержка из Акта, составленного семнадцатого февраля 1930 года на метеоритной заимке в Туруханском крае начальником Метеоритной экспедиции Академии Наук СССР Л. А. Куликом в присутствии нижеподписавшихся о нижеследующем

Лес вокруг изучаемой площади повален действительно по радиусам вершинами наружу. А то обстоятельство, что это радиальное расположение поваленного леса начинается в некотором отдалении от середины центральной части бурелома, лишний раз свидетельствует о размерах и силе взрыва и, вместе с размерами площади поваленного леса, говорит в пользу космического происхождения этого явления.

Начальник Метеоритной экспедиции Л. Кулик.

Научный сотрудник Л. Шумилова.

Научно-технические сотрудники: Евг. Кринов, буровой мастер А. Афонский, старший рабочий Б. Старовский, бывший заведующий факторией Ванавара М. Цветков».

На подходе к деревне Вишняково произошло нечто, не поддающееся разумному объяснению. Мой старинный приятель Ливик Генделист, коренной рижанин, никогда прежде не бывавший в Сибири, неожиданно встрепенулся и как-то тревожно вскрикнул:

— А где ерик?

Я удивленно поднял глаза на Ливика. Прибалт, и такое специфическое сибирское слово: не протока, а ерик. Откуда и взялось на его языке?

— Какой ерик? — Тимоша Корень непроизвольно придержал ход моторки.

— Тот, что ведет на мельницу.

— О чем ты говоришь? Какая мельница? Старого Карла? Да заглохла совсем. После того как национализировали. Помнишь такое слово? А нет, так — раскулачили. Хозяина-то заарестовали.

Ливик непонимающе посмотрел на шкипера.

Я непонимающе посмотрел на Ливика.

Он испуганно мотнул головой.

— Меня там утопили.

— Ты чего? — покрутил я пальцем у виска.

Ливик потряс головой, пришел в себя.

— А что? — спросил. — Я что-то говорил? Ей-бо, сам себя слышал!

Я постучал пальцем по лбу.

Киренский разносчик телеграмм хохотнул:

— Вода следы слизывает. Обстоятельства крепчают, обстановка поучает. Утопили, не утопили, проснулся и живи дальше.

Нас нагнал катерок Алексея Андреевича.

— Что застопорились?

— Утопленника отыскали, товарищ командир, — с иронией в голосе отрапортовал Тимоша.

— Не грехи.

— Да вот... говорит, что тут утонул.

— Кто утонул?

— Он и утонул, кто говорит, — лодочник подмигнул Ливику, ожидая и от дяди Кондака насмешливых восклицаний. Но не дождался. Наоборот, старый таежник как-то странно уставился на «утопленника», будто что-то припоминая.

— А когда утонул, не сказывал?

— Когда ты утонул? — обратился Тимоша к Ливику, но тот промолчал, мало-помалу сознавая, что сморозил по незнанию дикую чушь и теперь не выкрутится.

Тимоша подрулил вплотную к катерку Алексея Андреевича.

— Он больше о ерике интересовался.

— Зарос ерик, зарос. Уже давно. В том же годе, как утопла здесь, — он вновь оценивающе посмотрел на Ливика, — Юша, наша тунгуска.

— Что значит — «наша»? — спросил я, придерживая Ливика за локоть и чувствуя, как дрожит его рука.

— Таежная. Объявилась вскоре после взрыва Тунгусского метеорита. А утопла в тридцать седьмом. Зараз, когда к хозяину ее, мельнику нашему Карлу Яковлевичу пришли с обыском — за алмазами. Вот и думали, что она самовольно их под воду унесла, когда бегла от чекистов. Причалим — расскажу подробнее. Не у ерика же рассказывать, где она утонула.

— А что? Слушает?

— Подслушивает. Такое их дело — утопленников.

— И ничего я не подслушиваю, — сказал Ливик, дернувшись.

Мне пришлось жжать кисть его руки как можно сильнее, чтобы «не выступал». А то еще запишут в психи, и вся наша поездка «по следам Тунгусского метеорита» — чем не заголовок? — превратится в живой анекдот, служащий подкормкой для сплетен.

Мы подкатили к бревенчатому причалу, распределились по двое и двинулись. Впереди дядя Кондак и Тимоша Корень, каждый при ружье, патроны в кармане, как и положено местным старателям.

Сзади я с Ливиком.

Направление?

Правильное направление. В продмаг.

Выпить у нас было, но закусить — кот наплакал. А тут еще требовалось подарков подкупить. Все же в гости собирались. И не к кому-нибудь, а к вполне вероятной родственнице моей — Гаммер Елене Карловне.

7

На заднем дворе сельпо настойчиво и напряженно, с преобладанием мрачного, портящего настроение тембра, стучал тамтам — туземный барабан на треножнике.

— Арсений! — сказал Алексей Андреевич. — Возомнил себя шаманом, вот и вызывает дух предков.

— Тройной одеколон до ума не доведет! — разъяснил ситуацию Тимоша.

Торговая точка по случаю воскресного дня либо по вине утреннего времени держала дверь на амбарном замке. И, казалось, проигнорирует нас без всякого интереса во все окна, неплотно прикрытые ставнями. Но Алексей Андреевич смочил рублевку прилипчивой слюной и приклеил ее к стеклу. Глядь, и застучали ставни, створки приветливо распахнулись.

— Что вам так некогда? — высунулась раскосая мордашка в бигудях.

— Вопрос резонный, — проворчал Тимоша Корень, оттеснив дядю вбок. — Нам конфет в коробке, печенья в пачке, огурчиков в банке, колбасу на развес, грамм на триста.

Ливик и не заметил, как под перезвон стекла упорхнула из его кармана десятка, обогатив подоконник коробкой конфет, пачкой печенья, нарезанной колбаской, солеными огурцами, килечкой в пряном посоле. Откуда ни возьмись, появилась и миска с вареной картошкой и присыпочка соли в спичечном коробке.

— Оки-доки! Хорошо живете!

Продавщица отсчитала сдачу, положила поверх трешницы пятак, чтобы приткую бумаженцию сквозняком не сдуло. И пригласила — не стесняться.

— Бери рыбку за хвостик, опускай головкой в роток и говори: «Хорошо пошла!»

Ливик сказал — не подумал:

— Хорошо пошла.

И услышал:

— Вот так, сказывали чекисты, и она, наша грешная Юша, пошла под воду. Бегла от них, прыгнула в ерик с мостков, и... как будто ее там крючком ухватили, либо головой ушиблась о валун, однако не вывернула на поверхность.

— Вранье! — вырвалось из Ливика, и он опять спазматически вздрогнул, обретя стеклянный блеск глаз, подобно тому, как давеча на лодке.

— Правда моя! Чекисты так сказывали, когда забирали под арест Карла Яковлевича.

Ливик незряче посмотрел на старого таежника.

— Они меня обманым делом в ерик спихнули. Руки связали, петлю на шею, и давай протаскивать под мостками: «Где алмазы твоего хозяина?»

Я толкнул парня в плечо, приводя в сознание.

— Куда тебя понесло? Тоже мне, Агата Кристи!

Продавщица шлепнула ладонью по подоконнику.

— Морскому больше не наливать! А то я мигом закуפורю магазин на переучет. Нужна мне тут милиция!

Милиция ей была не нужна. Нам — огласка. Пойдут еще слухи о ненормальном морячке, и все наши планы ухнут. Да и какие разговоры с Еленой Карловной о родственных отношениях, когда на отдалении мерещится желтый дом?

Из дальней двери, что за прилавком, выявился мужичок лет тридцати с небольшим наростом: корона в виде купола, малица из оленьего меха, расписанная бисером и золотой ниткой, парусиновые брюки вправлены в сапоги. Внешностью — тунгус, повадками — русский. Шлеп-шлеп по скрипучим половицам, ритуальной шапкой лицо утер.

— Набулькай и мне сто граммук! — руку к бутылки, упертый взгляд на Алексея Андреевича. — Дядя Кондак! Зачем запоматовал обо мне, шандыбая к моей второй половине? И я готов честь по чести приложиться к стакану за помин души предков моих. Чего тут этот паря сказывал, когда притворялся бабулей?

— Дурака валял.

— Почему же ты на ногах остался?

— Шутки шутишь, Арсений?

— Почему и не пошутковать с недоливу?

— Шуткуй-шуткуй! С переливу ты не человек.

— Не трожь болезнь нашу! Сами спаивали.

— Никто тебя не спаивал!

— А батяню?

— И батяню! Вам просто водки касаться нельзя.

— Тебе — пожалуйста? А нам — выкуси?

— У меня — кровь стойкая, а у вас...

— Не стыди нашу кровь, дядя Кондак, а то свою прольешь!

— Враг тебе ваша кровь, Арсений! Будет на водке замешана, в могилу сведет.

— Жизнь имеет на меня другие планы, Алексей Андреевич! Главный самогонный мастер Киренского района, и такая отговорка по мою линию характера.

— Вашей нации пить нельзя! Остановиться до смерти не можете! — матерый мужик, озлясь, убрал бутылку с подоконника, запахал ее в авоську и пошел к порушенной мельнице, покачивая над головой стволом винтовки с похожим на круглый пенал набалдашником-глушителем.

— Своей пули не слышишь, да? — кричал ему вслед Арсений, гневно размахивая пустым стаканом. — Не кликай тут смерть! На помин души предков моих!

Мы переглянулись, забрали коробку конфет, пачку бисквитного печенья, банку консервированных огурцов и, не попрощавшись, отвалили за нашим проводником в деревню. А следом, заунывно рассыпая предупреждения и угрозы, двинулся глухой стук-перестук туземного тамтама.

— Арсений! — опять процедил сквозь зубы дядя Кондак, сделав нам знак, чтобы поторапливались. — Совсем умом тронулся, как тут побывали людяки из научной экспедиции. Лез к ним со своими дурацкими свидетельствами. Мол, тени предков его шаманят, что не пустой камень залетел к нам, а космический корабль. И все в нем погибли от взрыва, кроме девочки-малолетки Юши, впоследствии его бабушки. Вот он и просит отвезти его в Москву на процедуры в Академию наук,

где под гипнозом расскажет о предках своих — жителях далекой звезды. Какой? Это — дикий секрет. Его он раскроет только под гипнозом. И только в Москве. Кому? Братьям по разуму. А? Каково? Братьям по разуму из Академии наук, и не иначе! Будто он сам с какой-то там звезды. Звезданулся совсем!

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Из архивов Комитета по метеоритам (КМЕТ) АН СССР

Крестьянин П. П. Анциферов из деревни Коростелево Ирбейского округа в письме Л. А. Кулику от второго марта 1927 года писал:

«Будучи в юношеском возрасте в 1908 году, в июне 17 дня, когда работал в поле у своего дяди в качестве бороноволока, я видел следующее явление:

День 17 июня был солнечный, и небо было чисто, то есть незаметно было облаков и нисколько не было повода к тому, чтобы быть громовому удару. Но приблизительно в 10–11 часов дня в направлении от той местности на северо-восток произошло три больших громовых удара, которые продолжались в течение двух минут, приблизительно, так как точно сейчас установить не могу.

Первый удар был немного легче, второй сильный и третий еще сильнее, так что после второго и третьего удара лошади мои упали на колени, но бежать не решались, что служило поводом определения, что в эти минуты лошади были сильно перепуганы. Сам же я, как уже сказал выше, был в юношеском возрасте и не мог определить, что все это значило, но так же сильно испугался и несколько минут был в растерянном состоянии. Когда пришел в нормальное состояние, то решил поехать в село и известить о случившемся событии в тот день, но в селе это было известно, так как в эти же часы были сильные удары и большие потрясения. Село Коростылево, в котором я в то время жил, находится на расстоянии от города Канска в 70 верстах, но звук или, вернее сказать, громовые удары были слышны и дальше на тридцать верст на юг от этого села».

(Архив КМЕТ)

Житель села Кежма К. А. Кокорин, 64 лет, сообщил 1/1–1930 года Е. Л. Кринову свои наблюдения.

Кринов записал:

«Точный день и год падения Кокорин не помнит, но помнит, что дня за три-четыре до Петрова дня, часов в 8–9 утра, не позже. Небо было совершенно чистое, облаков не было. Он вошел в баню (во дворе), успел снять верхнюю рубашку, как вдруг услышал звуки наподобие пушечных выстрелов. Он сразу же выбежал во двор, открытый на юго-запад и запад. В это время звуки еще продолжались, и он увидел на юго-западе, на высоте приблизительно половины расстояния между зенитом и горизонтом летящий красный шар, а по бокам и позади его были видны радужные полосы. Шар летел 3–4 секунды, исчез на северо-востоке (румбы восстановлены по памяти при даче показания 1/1–1930 года по компасу). Звуки были слышны во время полета шара, но они сразу прекратились, когда шар скрылся за лесом.

Во время падения Кокорин был в селе Кежма. Тунгусы С. И. Анков с тремя своими братьями в тот же год, когда упал метеорит, зимой (в январе) приходили на факторию Панолук и ему, Кокорину, говорили, что от падения метеорита у них сгорели 80 турсуков муки и теплая зимняя одежда, находившаяся в лабах около Лакурских хребтов. Там же частью погибли и олени. Когда они пришли

к лабазам (после падения), то увидели на ровном месте «разрыв земли» в виде большой канавы без воды, в которой они находили всякие камешки. Некоторые из этих камней они приносили Кокорину.

Кокорин говорит, что все камни похожи на хрусталь».
(Архив КМЕТ)

Комментарий таежного жителя Алексея Андреевича Кондакова, 1896 года рождения, полученный автором этой повести в 1972 году:

«Тунгус Самсон Анков привел к Кокорину и девочку-малолетку по прозвищу Юша, не помнящую ни имени своего настоящего, ни рода. Найдена она была у порушенных лабазов, посреди разрыв-земли, в бессознательном состоянии и при крайнем истощении. Все тут смертью дышало, а она жива, хоть и в синяках, будто с изрядной высоты свалилась и преболно, до потери сознания ушиблась. Приходило на ум: не выбросило ли ее ненароком откуда-то с небесной верхотуры. А что там? Да ничего там, кроме неба и взрыва кошмарного, в это время не наблюдалось.

Не имея возможности приютить девочку у себя, Кокорин посоветовал отдать ее в деревню Вишняково нашему мельнику Карлу Яковлевичу, а в виде оплаты за воспитание и обучение приложить найденные камешки.

Оставить их у себя никто не решился. Люди они темные, а камушки диковинные: зажмешь в кулаке, рука начинала светиться, лучи испускать между пальцами.

Держали их, чтобы не светились, в расшитом мешочке из оленьей кожи. А куда упрятали потом, когда арестовали Карла Яковлевича, неизвестно».

8

На отступе от Ленского берега стоял старый, сложенный из почернелых бревен пятистенник. Два этажа, четыре окна вдоль каждой стены. Сбоку от входной двери — табличка «Общественная библиотека». Рядом почтовый ящик, а в нем, в поперечной бежевой обертке, газета «Ленские зори», последний номер с моими стихами и очерком.

«Очень хорошо для представительства!» — подумалось мне. — Не приступать же к знакомству с вопроса: «Милая хозяйшюк! Мы, случаем, в родственных связях не замешаны?»

Но никаких вопросов не последовало.

Дверь распахнулась еще до просительного стука.

— Проходите, — пропустила нас в гостиную девушка в сарафанчике, лет двадцати, худенькая, светловолосая, глазки — голубые искорки. — Мы тут с бабушкой думали: к кому гости? А увидели дядю Кондака, поняли: к нам. Чаю хотите?

— Не откажемся, Надежа, — сказал Тимоша Корень и, сняв по знаку Алексея Андреевича тулку, повесил ее на костыль, вбитый под медвежьей головой — охотничьим трофеем.

— Угнезди и мою!

Боевая винтовка присоседалась к двустволке, а киренский разносчик телеграмм, чувствуя себя столичным жителем, подкрутил усы и примостился к молоденькой хозяйке на раскладном диване.

Я распечатал коробку конфет.

Ливик — пачку бисквитного печенья.

Надя приподнялась над журнальным столиком, у которого мы все устроились, и разлила чай.

— Индийский!

— Гостевой, — пояснил Алексей Андреевич. — Когда я в одиночку наведу-ваюсь, мне положен грузинский.

— На то и батрак! — созорничала девушка.

— Это до революции батрак, а потом наемный рабочий, помощник мельника, со своим трудовым паем от выработки, — дядя Кондак выразительно поднял указательный палец, будто это нам с Ливиком что-то способно разъяснить.

Но нам ничего это не разъяснило. И мы разом спросили:

— А потом?

— Еще потом? — задумался старый таежник. — Потом мельницу национализировали, Карла Яковлевича заарестовали. Отправили на перевоспитание. Куда? Да эти, — он махнул рукой в сторону темного угла, будто там копошились тени прежних вершителей судеб человеческих, — сами адреса не помнили. Отправили, и лады, а мельница... Чего — мельница? Мельница без рук Карла Яковлевича — пустая кладка камня. Стоять — стоит, а мука не мелется.

— Ладно тебе, дядя Кондак! — прервала Надя. — Гостям аппетит отобьешь.

— А они сюда не кушать пришли. Они из газеты. Информацию ищут о Тунгусском метеорите. Во как!

— Из какой газеты? — удивилась Надя.

— Из этой, — сказал я, разворачивая «Ленские зори».

— А я стихи пишу. Напечатаете? — тихо сказала Надя.

— Напечатает — не отвертится! — заверил Тимоша Корень. Судя по всему, он не очень-то равнодушно дышал по отношению к «маленькой хозяйке большого дома».

— Надо посмотреть, — неопределенно ответил я.

— Он посмотрит, — столичный житель вновь вставил свое «резюме» на правах посредника.

— Но сначала я хочу посмотреть, что он сам пишет!

Надо признаться, Надя избрала беспроигрышную тактику. В случае отказа она скажет, что я никудышный поэт, мало понимающий в творческих изысканиях коллег по перу. В случае благосклонного восприятия ее стихов и я могу оказаться на должной высоте районного Парнаса.

— Вот они, — ткнул я пальцем в свои стихи, пододвинул газету Наде.

Она взглянула и заикнулась. Нет, не на стихах, на моей фамилии.

— Так вы тот самый Гаммер? Мы вас читаем постоянно и думаем: не из нашей ли вы фамилии?

— Моя фамилия по родовой специальности предков. Жестянщики. Отсюда и Гаммер — молоток.

— А мы Гаммеры по городу.

— Какому городу? У евреев фамилию давали по специальности.

— И по месту проживания, как и немцам.

— Мои предки жили в Германии. Но где? Я и по сей день не в курсе.

— А мои — в местечке Гаммертинген. Это за городом Зинген — Песня, если по-русски. Возле Франции, километрах в семидесяти пяти от границы.

— Так вы немцы? — разочарованно протянул я.

— Немцы! Но из той же породы, что Александр Александрович Блок и Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Дед Александра Александровича принял лютеранство, а его папа Александр Львович поэтому смог стать профессором Варшавского университета по кафедре государственного права. Вы знаете?

— Знаю. Но при чем здесь вы?

— А при том, что мой прадедушка Карл Яковлевич принял лютеранство, чтобы жить в России немцем. И там, где выберет, на вольных землях. А не евреем в полосу оседлости. Понятно? А если нет, так бабушка вам все подробно расскажет.

— Где же она?

— Готовится, как она говорит, к выходу. Подождите еще чуток, сейчас спустится.

— Тогда перекур! — провозгласил Ливик и вытащил из брюк «представительские» сигареты «Рига», в твердой картонной пачке — настоящая редкость для таежного края. — Вы курите?

Надя смущенно кивнула:

— Во дворе.

— Чтобы бабушка не засекала?

— Для пожарной безопасности. Тут у нас библиотека, — указала на второй этаж. — Много ценных книг еще от прадеда.

— Оки-доки! Библиотека тут, а читатели? Тоже во дворе?

— Шутка принята, — засмеялась Надя.

— Значит, к читателям?

— К читателям!

9

Когда я, допив чай, вышел во двор, Ливик Генделист — обычно центральная фигура любой компании — демонстрировал Надюше папку-неразлучницу с научными изысканиями.

— А вот и последняя запись, — произнес он при моем появлении. — Хохлачев Николай Прохорович, 1879 года рождения. В селе Кривошапкино наблюдал полет метеорита. По его словам, тело имело форму клубка (молнии), сверкало огоньками. Летело слишком высоко и улетело далеко за горизонт. Направление с юго-востока на северо-запад.

— Это какой Хохлачев? — заинтересовался я. — Не отец ли моего редактора из «Ленских зорь»?

— А ты позвони ему, спроси, — нашелся мой приятель, поднося зажигалку.

— Здесь позвонишь, — проворчал я, вытаскивая из пачки сигарету.

— Дремучий край, — согласился дядя Кондак, с удовольствием пыхая дымом явно не отеческого производства. — Удобства во дворе, воду носи на коромысле. Ни кино, ни чайной с ресторанной закуской.

— Здесь только пробеглого зайчишку добывать на обед, — поддакнул Тимоша, отгесняя Ливика вместе с его научными бумагами подальше от Надюши.

Он притушил окурок ногой.

— Покурили и лады, пора и о выпивке вспомнить. Не голым дуриком прикатали в чужой дом.

— А то! — сказал я, пропуская на крыльцо дядю Кондака, Тимошу, Надю, оглянувшись на Ливика, почему-то не слишком расторопного.

— Тебе — что? Особое приглашение?

Он приложил палец поперек губ и указал на дощатик с круглой дыркой на двери.

Я понятливо хмыкнул: галантный кавалер не желал в присутствии дамы поминать вслух потребности своего желудка.

Принято считать, что молчание — золото. Но золото оно, если затягивается всего на пару минут. Однако стоит ему перейти дозволенный рубеж, и гнетущее беспокойство начинает тревожить сердце.

Тимоша уселся на диван напротив меня, посмотрел на часы с черным светящимся циферблатом и выразительно постучал ногтем по выпуклому стеклу.

— Утонул он там, что ли? — проворчал, когда дядя Кондак извлек из авоськи заветную бутылку, а Надюша поднялась на этаж за Еленой Карловой.

Я вышел из-за стола, в душе проклиная своего рижского приятеля. Не иначе как зачитался материалами из папки, отыскал еще одну не замеченную ранее сенсацию. Но я не Шерлок Холмс, и мысль моя оказалась не дедуктивного рода.

Дверь в туалет была распахнута. Ливика поблизости не маячило, как говорят моряки. Не на Лену же он побежал купаться. А играть в прятки уже не по возрасту. Да и какой ему резон пропускать застолье, которое именно по возрасту и намного важнее прятков?

«Ливик! Ливик!» — подал я внутренне голос. Но откликнулся не он, а Даша, которая «не наша». Продавщица из продмага. Вся из себя раскрасневшаяся, запыхавшаяся, с кошелкой, где бултыхались «спасенные» от муженька, от его непомерной жажды бутылочки с тройным одеколоном.

— Арсений!

— Чего?

— Плохо!

— Здесь скорая не ходит!

— Не слышишь, паря?

Тут я и уловил дальнейшее трепыханье тамтама, тягостный вибрирующий звук. Бьет по перепонкам и вызывает прилив каких-то желаний, первое из них — дать по морде. Но ведь не Даше, которая «не наша». А кому?

— Что это за музыка?

— Так вызывают дух мертвых.

— Каких мертвых? Что за дичь?

— Арсений насел на вашего Морского, принял его за второе воплощение бабушки Юши-тунгуски! — разрыдалась деревенская продавщица, обхватывая меня за плечи.

— Он еще и гомосек? — машинально среагировал я, не до конца врубаясь в серьезность ситуации.

Но без осечки уяснил, кому следовало дать по морде — ее пристеночному кормильцу-алкоголику. Надо же, приличный молодой человек из Риги, имеющий загранпаспорт и визу, пошел по большой нужде в дощатик, а этот паразит извлек его насильственным образом наружу и давай пытаться, обделяя, должно быть, туалетной бумагой.

Вот ведь стервец! Возомнил себя потомственным шаманом, подай ему живой дух мертвой тунгусской бабушки Юши! Сейчас и получит, но в упаковке боксерского кулака.

— Рви в дом! Играй тревогу! — сказал я Даше. — А я пойду, разберусь с твоим одеколонщиком!

— Паря! Ты к нему не приближайся в одиночку, — предупредила женщина. — У него ствол!

— Да хоть два! У меня на каждый по кулаку, — разорвался я, «разогревая» себя к незапланированному подвигу, нужному мне, как банный лист заднице. — Разрешите представиться, чемпион Латвии и Прибалтики по боксу!

После этих слов мне уже не суждено было вырваться из объятий заведующей торговой точкой.

— Не пуцу! — взревела женщина голосом раненой медведицы и капканом вцепилась в рукава куртки.

Дальше нас растаскивал Тимоша, намагниченный криками ужаса и выглянувший наружу.

Дальше я бежал, широко ставя ноги, по направлению к сельпо.

Бежал, бежал... Наконец уперся в изрядный — на два моих роста — забор, периметром обходящий задний двор магазина. Выискал щель и, в нетерпении одаривая апперкотами крашеную доску, приступил, если прибегнуть к языку военных операций, к рекогносцировке местности.

Ничего приятного я не увидел.

Зрелищное-репортажное — да! Опасное для здоровья — да! Но малопривлекательное в любом разрезе.

Мой Ливик, привязанный к дереву, мотал головой из стороны в сторону. Он изворачивался от огненного факела, которым чародей Арсений пытался вызволить из его рта заблудшую душу бабушки-утопленницы.

Ливик был не факир, огню он предпочитал водку. Ее и глотал в охотку. Однако по собственному желанию, не по принуждению.

У ног его валялась знакомая мне папка с бумагами, ветром разносило исписанные листы по траве, на некоторых отпечатки грязных ступней Арсения.

Мужик был бос, одет в расписную малицу и шаманью шапку, брюки закатаны до колен, за спиной охотничье ружье. В глазах стеклянный блеск. Именно такой, какой я раньше видел в глазах Ливика, когда он обретал в себе Юшу-тунгуску. Но сейчас глаза моего рижского приятеля полыхали бешенством, а не стеклянным блеском. Он никак не превращался в бабушку Арсения, хотя именно этого и стремился добиться придурок своими колдовскими приемами.

— Бабушка! Выходи! Жизнь имеет на тебя другие планы! — угрожающе тыкал факелом в рот пленнику. — Людаки знать хотят, с какой ты звезды?

— Откуда и ты, там все родятся! — взбеленился Ливик. — Отпусти!

— Бабушка! А где алмазы?

— Медведь их съел!

Опять Ливик не перевоплотился в Юшу-тунгуску, а выдал, что слышал от меня. Внезапно факел выскочил из руки Арсения и ухнул в кусты, подпалив их тут же. Что? Где?

Ах, да это дядя Кондак!

Алексей Андреевич взгромоздился на плечи Тимоше и оттуда, с высоты Эйфелевой башни деревенского масштаба, беззвучно учил непутевого шамана уму-разуму.

Но первый урок не пошел дураку впрок.

Арсений взвел курок тулки и давай рыскать мушкой по закраине забора, выскывая цель. Приложился, бабахнул жаканом, раскрошил доску. В ответ получил безмолвную пулю. Девятиграммовая свинчатка вырвала оружие из его рук и отбросила к тем же кустам, полыхающим уже вовсю.

— Пожар! — закричала продавщица Даша, бросилась к воротам, отворила их, позволив порывистому ветерку вынести на улицу пару листков из научной папки.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ

*Из материалов Комплексной самостоятельной экспедиции (КСЭ)
Томского Университета (1958–1969 гг.)*

Потапова Люмпя Самойловна, 1882 года рождения. Пункт наблюдения: село Казимирово Усть-Кутского района, 100 км от Киренска вверх по реке Лене.

«Около 20 лет было, замужем уже была. Видела огненную метлу. Дом перевозили на плоту в другое место. Ночью уже, часов в 5, увидела яркий свет. Летело высоко, почти над головой. Боялась, что упадет на плот и потопит, но тело

пересекло Лену несколько впереди. Сзади тела были сильные искры. Летело, как самолет по скорости, а звуков не было».

Угловых размеров не помнит. По яркости тело слабее солнца. Снижалось справа налево. Пункт опроса — город Бодайбо.

Акулов Иннокентий Афанасьевич, 1888 года рождения. Пункт наблюдения — село Дарьино Киренского района, река Лена, 120 км вниз по реке от Киренска, 1 км ниже Миронова, левый берег Лены. Возраст в момент наблюдения 18-19 лет, не женат еще был, до германской войны.

«Сидел на лавочке у ворот. Погода была безветренная, тихая, вдруг спон огня летит по небу. Снижался слева направо. Тело по форме продолговатое, в три раза длина больше ширины. Положение солнца не помнит. Во время полета был слышен шипящий свист в течение полминуты примерно. Звук перемещался вместе с телом. Многие жители в деревне видели полет. Говорили, что к новой войне. Рассказал также, что слышали сильные удары грома, как взрывы за горой около их села. Погода была ясная, гром не мог быть. Мужики испугались, что опять японцы напали».

Буркова Татьяна Васильевна, 1896 года рождения. Пункт наблюдения и опроса — село Кривошапкино, 10 км выше Киренска по реке Лене.

«Была на покосе. День был жаркий, но туманный. Днем с востока шла огненная планета, больше солнца, но можно смотреть невооруженным глазом. Форма планеты круглая. Шла низко над горизонтом с востока. Шла тихо, не быстрее самолета. Был яркий свет, грома не было. Думали, что будет конец света, когда упадет планета».

Хорошев Савва Кузьмич, 1885 года рождения. Пункт наблюдения и опроса — деревня Макарово, 84 км выше Киренска по реке Лене.

«Было тогда 20 лет. Был в поле, жал хлеб. Был период обеда, когда огромный огненный шар закрыл солнце. Он летел с юга на север, очень быстро, быстрее самолета намного, высоко над землей. Следа от «планеты» не заметил. Не было слышно ни взрыва, ни землетрясения. Бабы причитали, что упало солнце».

Елена Карловна — черное бархатное платье, знакомый уже медальон-иконка с изображением Большой Медведицы и Полярной звезды, серебряные волосы, собранные пучком на затылке под округлым гребнем, напоминала мне чей-то образ. Но чей? Женщина будто бы сошла с картины, а картина с обложки какой-то книги.

Я еще долго, наверное, пребывал бы в неведении, но Ливик Генделист, ощущая то же самое, опередил меня в воспоминаниях.

— Анна Ахматова! — шепнул мне и подмигнул подбитым глазом, украшенным синяком.

Что он хотел сказать этим подмигиванием, мне не пришлось в голову. Но я встал с табуретки, пододвинул хозяйке дома стул, заодно и представился.

— Ефим Гаммер, корреспондент газеты «Ленские зори».

— Мы слышали, что вы из Риги, — сказала Елена Карловна, наливая себе чай.

— Из Риги, конечно. Но сейчас здесь. Сибирской романтике дань отдаю.

— А мы слышали, вы за невестой приехали.

— И за невестой.

— Неисповедимы пути Господни!

— И человечьи.

Я почувствовал: надо срочно уходить от темы моих личных взаимоотношений со Светой, с которой прежде работал в «Латвийском моряке», а теперь в «Ленских зорях». Не иначе, милостивая эта старушка прощупывает «жениховскую» почву для своей внучки.

— А я слышал, что ваш отец Карл Яковлевич был репрессирован.

— Да, в тридцать седьмом. Но следы его затерялись.

— Не скажите.

Я поймал на себе вопросительный взгляд.

— Вы что-то знаете?

Я пожал плечами.

— Может, да. Может, нет.

— А что — «да»?

Я посмотрел на своих спутников. И Ливик тут же нашелся:

— Оки-доки! Хватит греть уши о чужие разговоры! Не пора ли нам по второй на перекур?

Дождавшись ухода «лишних ушей», я пересел на диван к Наде.

— Информация у меня неутешительная.

— Лишь бы что-то.

— Мой дедушка Аврум знавал в лагере под Соликамском одного Гаммера из ваших мест.

— Как его звали? Карл Яковлевич?

— Скорее «да», чем «нет».

— Это он. И что с ним стало?

— Умер.

— Когда?

— Точно не скажу. Во время войны. Зимой. А какой зимой? Скорей всего, третьей — в разгар войны. На них уголовники дерево обрушили. Ваш — немец, мой — еврей, все одно — враги и говорят на вражеском языке. Это я об идише.

— Мой папа...

— Ваш папа так и не выжил, умер на руках у моего дедушки, что-то говоря в беспамятстве о медведе.

— Каком медведе?

— Медведе, который скушал алмазы.

— Таких здесь не водится.

— А алмазы?

— И алмазы... Алмазы в Якутии, золото в Бодайбо. А у нас? Пусто у нас по этой части. А что стало с вашим дедушкой?

— Дедушка... Он после всего этого попросился добровольцем на фронт. На Первой мировой, говорил, воевал до инвалидности, теперь пора и на Второй мировой повоювать, теперь уже до смерти.

— Пустили?

— На фронт не пустили. Двойной инвалид: рука прострелена в локте, нога переломана в колене стволем дерева. Но винтовку дали, отправили в Чкалов, сегодня это Оренбург, на охрану авиационного завода номер 245. Там он и встретил наших — маму, папу, бабушку Иду — жену свою.

— Это все?

— Пожалуй.

— Ну что ж, тогда зовите своих товарищей. А я на стол соберу. Помянем раба Божия, папу моего Карла Яковлевича. Вот ведь лихо какое: медведь алмазы скушал, а папу за это жизни лишили.

Ее слова, проталкиваемые сквозь нервные всхлипывания, гипнотически заставили меня поднять глаза к чучелу медвежьей головы, торчащей прямо надо мной, в полуметре от скрещенных ружейных стволов.

«Медведь... скушал... алмазы...» — пронеслось огненным сполохом.

И следом: «Алмазы! Медведь! Скушал!» — ударило по мозгам тройным взрывом, как это было некогда после падения Тунгусского метеорита.

Разъятая пасть медведя скалилась надо мной зажелктыми клыками.

— Можно? — попросил я разрешения и, не дожидаясь ответа Елены Карловны, вскочил на диван, просунул руку в глотку таежного зверя и глубоко внутри нащупал что-то мягкое.

Это был мешочек из оленьей кожи, перетянутый узким кожаным ремешком. Внутри... Я уже догадывался, что там внутри. Догадывалась и Елена Карловна. Догадывалась и Надюша.

— Вы писать об этом будете? — спросила она.

Я вопросительно посмотрел на Елену Карловну.

Она посмотрела на внучку свою, затем на меня.

— Знаете что?

Я кивнул.

— Алмазы подождут публикации, — и положил мешочек назад — туда, где он покоился все эти годы. — Ждали столько, еще подождут.

— А вы так же красиво напишите об этом и к сто первой годовщине Тунгусского чуда.

— Но ведь вас...

— Я не прочту, и ладно. Дети прочтут. А дети за родителей не отвечают, — с трудом вымолвила Елена Карловна.

— Так Сталин говорил.

— Хоть что-то он говорил нам на пользу. Зовите товарищей. Помянем раба Божия... Папу... А что до алмазов... Алмазы медведь скушал.

На мгновение мне показалось, что хозяин тайги роняет слюни от неспособности переварить небесные камушки.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Радио «Голос Израиля» — «РЭКА», 17.07.2009

Авторский радиожурнал Ефима Гаммера «Вечерний калейдоскоп».

Фрагменты из интервью, взятого у писателя-фантаста, астрофизика, доктора наук Павла Амнуэля.

«— Павел! В первой половине семидесятых, когда я жил в Сибири и работал в киренской газете «Ленские зори», мне довелось проводить самостоятельное расследование Тунгусского феномена. В разговорах с местными жителями выяснилось, что некоторые видели нечто вроде искрящей бочки, другие — яркого шара, летящего над горизонтом. Что же это было на самом деле?

— Начну с того, что в 1988 году, в канун восьмидесятилетия взрыва Тунгусского метеорита, правильнее говорить — «Тунгусского феномена», издательство «Детская литература» попросило меня написать книгу об этом явлении. Книга,

правда, в свет так и не вышла. Но была напечатана в нескольких номерах журнала «Химия и жизнь». Тунгусский феномен я изучил во всех подробностях, и вот что могу сказать...

30 июня 1908 года в 7 часов 14 минут над Сибирью пролетело тело — болид, как говорят астрономы, от него во все стороны неслись искры. Сейсмическая станция в Иркутске зафиксировала землетрясение, которое началось именно в 7 часов 14 минут и продолжалось 30 секунд. Взрывная волна дважды обошла земной шар.

Несколько дней до взрыва, к западу от эпицентра, наблюдались настоящие белые ночи. Можно было читать газету. Эти феномены продолжались и после взрыва. Однако вскоре об этом таинственном происшествии в России стали забывать.

— Как возродился в Советском Союзе интерес к Тунгусскому феномену, благодаря чему Кулик смог организовать экспедицию в район Подкаменной Тунгуски?

— На самом деле это довольно занимательная история. Вскоре после события история с Тунгусским феноменом в России подзабылась, и лишь в 1918 году, причем совершенно случайно, Кулик нашел заметку об этом явлении на листке календаря за 1909 год. И тогда возродился интерес к сибирскому катаклизму. Кулик организовал экспедицию на место взрыва, однако, к своему удивлению, никакого кратера там не обнаружил. Более того, многие деревья не были повалены, стояли прямо, только кора была содрана.

Первая экспедиция Кулика на место падения метеорита состоялась в 1927 году, за ней последовали другие. Последний раз он побывал в районе падения в 1939 году. Эта работа продолжалась вплоть до середины 1941 года. Но потом разразилась война. Кулик ушел в народное ополчение и погиб.

В 1928 году другой метеоритчик Флоренский сделал вывод, что взрыв произошел в воздухе, на высоте восемь километров.

— Павел! Из бесед со старожилами я выяснил, что взрывов было, как минимум, три, а не один.

— Согласен. Была серия взрывов. Первый — самый сильный, последующие — гораздо слабее. На это как раз есть разъяснение. Труднее разобраться с другим. Одни свидетели утверждали, что летело продолговатое тело, похожее на искрящую бочку. По их версии, оно летело с юга. Другие свидетели утверждали, что тело представляло собой яркий шар. И летело оно с востока. Ну а самое сложное в том, что те же свидетели говорили, что это тело меняло в полете направление. Это давало основание предположить, что перед нами космический корабль. Ведь камень не может менять направление. При этом хочу добавить: нам всем здорово повезло, что эта катастрофа не произошла на восемь часов раньше. Произойди она раньше, в эпицентре взрыва оказался бы Санкт-Петербург. В этом случае не было бы Санкт-Петербурга, не было бы всей Ленинградской области. А было бы огромное болото со столь же странными феноменами, что и в Сибири. Дело в том, что взрыв оказался эквивалентен большому количеству атомных бомб — подобных той, что была сброшена на Хиросиму.

— Павел! Мне доводилось слышать от очевидцев, что некоторые из тех, кто искал следы Тунгусского метеорита, вскоре по возвращении домой начали лысеть, у них стали выпадать волосы. Не говорит ли это о повышенной радиации в районе поисков?

— Здесь много фантазии. Радиация была нормальной — это проверено. Но, тем не менее, в тех местах происходили различные мутации, которые бывают при ядерном взрыве. Наблюдалось скопление очень больших по размеру рыжих муравьев, которые там не водятся. Количество иголок на хвойных деревьях было иное, чем обычно. Молодые же деревья после взрыва стали расти значительно интенсивнее.

— Напоминает Чернобыль?

— Несколько похоже.

— Какие же версии?

— Их много. От самых серьезных до очень смешных. Была версия, что это маленькая черная дыра залетела к нам. Высказывалось предположение, что это лазерный луч с далекой звезды. А из смешных версий мне наиболее запомнилась — комариная, придуманная геологами, прекрасно знающими те места. Они предположили, что взорвалось гигантское комариное облако. Я же думаю, что это был плазмод, вырвавшийся из солнечной короны. Теория плазмоида объясняет, почему это, летящее в небе, тело меняло направление. Почему? По той причине, что плазмод движется по магнитным силовым линиям. А они в тех местах меняют направление.

— Однако местные жители, как помнится, склонялись к версии о космическом корабле. И, судя по некоторым высказываниям, у них были на то основания. Какие? Чужая душа — потемки. Но надо отметить, они находили в глубинных слоях торфа какие-то миниатюрные шарики, которые потом по их наводке изыскивали и ученые.

— Действительно, в слое торфа 1908 года обнаружено большое количество этих шариков. Но самой странной находкой в районе Тунгусского феномена является другое: маленький алмазик. Казалось бы, что: алмазик! Но стали его изучать в Киевской лаборатории, и выяснилось: алмазику от пяти миллиардов лет до одиннадцати. То есть он появился тогда, когда и Земли еще не было...»

(Окончание в следующем номере)

